

Матлахова Марина Сергеевна

ФЕНОМЕН БЕЗДОМНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

20 ОКТ 2011

Марина

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена»

Научный руководитель: доктор культурологии, профессор
НИКИФОРОВА Лариса Викторовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
УВАРОВ Михаил Семенович

кандидат культурологии
ТИХОМИРОВ Сергей Александрович

Ведущая организация: Белгородский государственный
институт культуры и искусств

Защита состоится «31» октября 2011 года в 16.00 часов на заседании Совета
по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.199.23 при
Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена
по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д.26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им. А.И.
Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5.

Автореферат разослан «20» сентября 2011 г.

Ученый секретарь Совета по защите
докторских и кандидатских диссертаций,
кандидат культурологии

В.Н. Бондарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование раскрывает многомерность явления бездомности, понимаемого как компонент социокультурной реальности, как антропологическая характеристика современной культуры, как область особого культурного опыта.

Актуальность диссертационного исследования:

Бездомность, понимаемая в буквальном смысле как крайняя форма социальной исключенности, признана одной из глобальных проблем современности. Она обсуждается в средствах массовой информации, является предметом изучения социологических и экономических наук, объектом социальной политики и благотворительной деятельности. Культурология довольно редко касается «нереспектабельных» тем, поэтому обращение к феномену бездомности с позиций культурологического знания важно как доказательство актуальности культурологии, ее способности анализировать острые проблемы современности.

Бездомность обнаруживается как в реальном «физическом» (как компонент социальной эксклюзии и объект социальной политики), так и в «метафизическом» пространстве современной культуры. Интерес гуманитарных наук к данной проблеме не случаен: помимо «физической» бездомности, современная философско-культурологическая мысль все чаще указывает на наличие обостренной «метафизической» бездомности как следствия смены культурных парадигм, переходного состояния современной культуры. Метафорическое понимание бездомности, как тревожного состояния человеческого духа, как экзистенциального одиночества, как открытости миру гения, является формой описания предельного творческого напряжения и интеллектуального поиска, и в этом качестве символом особого культурного опыта. Актуальным представляется обратный ход – анализ культурного опыта бездомности и его проецирование на современную социокультурную реальность.

Описание феномена бездомности наталкивается на концептуальный парадокс: без-домность – это явление отсутствия. Попытка приблизиться к осмыслению данного феномена, пониманию его значения для культуры в целом, направляет исследовательское внимание к феномену Дома. Представляется актуальным использовать опыт философско-культурологического осмыслиения Дома в исследовании проблемы бездомности, а также ставить вопрос о соотношении феноменов Дома и бездомности как формы целостности культуры.

Объект исследования – современная культура с точки зрения ее антропологических характеристик.

Предмет исследования – формы воплощения культурного опыта бездомности в современной культуре.

Цель исследования – охарактеризовать культурный опыт бездомности и выявить его соотношение с культурным опытом Дома.

Достижение цели исследования предполагает необходимость решения комплекса основных задач:

- охарактеризовать феномен границы как «места» обнаружения культурного опыта в философско-культурологической мысли XX века и значимость этой темы для изучения феномена бездомности;
- выявить антропологические составляющие культурного опыта бездомности;
- обосновать бездомность как антропологическую константу, присутствующую в различных исторических типах культуры, нашедшую выражение в мифологемах, образах, социальных типах;
- охарактеризовать культурный опыт бездомности в современной культуре на материале таких форм существования, как социальная исключенность, миграция, «современный номадизм»;
- описать современную версию соотношения двух нераздельных культурных опытов – Дома и Бездомности.

Гипотеза исследования:

Культура как целостность (историческая, цивилизационная, социокультурная) может быть описана как соотношение опыта Дома и опыта бездомности. Специфика культуры может быть охарактеризована с точки зрения особенностей границы, разделяющей Дом и бездомность.

Степень разработанности проблемы.

Возможность анализа проблемы бездомности в логике понимания Другого опирается на классические труды М.М. Бахтина, М. Бубера, Б. Вальденфельса, Э. Гуссерля, Г. Зиммеля, Э. Левинаса, Ж.П. Сартра, Ю. Хабермаса и разработки современных исследователей Д.А. Алексеевой, Ю.Б. Бессоновой, И.С. Дорогавцевой, И.Н. Зайцева, О.Д. Заровой, А. Камю, Е.В. Кантемирова, А.Е. Комлева, А.С. Корчака, С.А. Лишаева, Б.Н. Попова, О.А. Смоляк, С.К. Шайхитдиновой.

Философско-антропологическая аналитика бездомности как свойства современной социокультурной реальности была предметом исследований Б.В. Маркова, А.В. Говорунова, О.Э. Душина, Е.Л. Разовой.

Концептуализация маргинальности и феномена границы, а также содержательное различие категорий Чужого, Другого, Иного связаны с работами С.П. Баньковской, А.В. Венковой, Б.В. Гаспарова, З.Т. Голенковой, С.П. Гурина, А.Н. Гусева, О.А. Довгополовой, Д.В. Евдокимцева, М.Н. Евстропова, Б. Езерника, А.В. Ермиловой, Е.И. Ефремовой, В. Железняка, И.В. Зайцева, Е.Д. Игитханян, В.Л. Каганского, И.В. Казариновой, Т.Х. Керимова, Б. Кондакова, Е.Е. Кудаковой, И.Ю. Лаповой, И.В. Митиной, И.В. Пахоловой, В.М. Пивоева, И.П. Поповой, В. Салимовского, О.А. Сергеевой, Н.Л. Слободянюк, Е.Э. Суровой, В.Ю. Сухачева, Н.А. Фроловой, В.А. Шапинского, Р. Штихве.

Феномен культурного опыта переходности, лиминальности изучался В. Тэрнером, М. Элиаде.

Семантика бездомности в связи с мифологемой Пути и образами странничества, путничества, бродяжничества, изгойничества, попадала в

поле зрения К.Г. Исупова, Ю.М. Лотмана, Л.Г. Невской, А.Н. Полякова, Т.Б. Щепанской, С.Е. Юркова.

Образы Дома и бездомности в фольклоре и мифе как просекции картины мира и ключевые символы культурного пространства представлены в работах Г. Гачева, А.К. Байбурина, В.В. Колесова, В.Я. Лакшина, О.В. Мамоновой, Б.В. Ничипорова, М. Петровой, А.П. Собенникова, М.А. Сухановой, В.Н. Топорова, Т. Цивьян. Проблематика возвращения Домой и архетип «блудного сына» нашли свое отражение в работах В.И. Габдуллиной, А.В. Чернова, А. Щюца. Образы Дома и бездомности в контексте экологии культуры рассматривались Е.В. Холодиловой.

Культурная история социальных практик, включающих опыт бездомности, исследовалась применительно к различным историческим типам культуры в работах Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, А.Я. Гуревича, А.Б. Демидова, Ж. Дюби, В. Ильинского, М.Е. Сергиенко, М. Фуко.

Для анализа современности и характеристик социокультурной реальности привлекались труды З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Д. Белла, У. Бенка, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, В.Л. Иноземцева, М. Кастельса, А.В. Коневой, М. Маклюэна, А.И. Неклессы, А. Печчини, К. Поланьи, Э. Тоффлера, М.С. Уварова, М. Фуко, Ф. Фукуямы, С. Ф. Хантингтона.

Вопросы социальной мобильности, социальной стратификации освещались такими авторами, как М. Вебер, Р. Мертон, Н. Смилзер, П.А. Сорокин, Э. Фромм, а также современными отечественными исследователями И.В. Василенко, Н.П. Гончаровым, А.В. Рубановым.

Практики «современного номадизма», а также опыт отношения современного человека к Дому, анализировался с опорой на работы Ж. Аттали, А.М. Бекарева, С. Бородина, Р. Брайдотти, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, М.А. Корецкой, А.К. Секацкого.

Проблематика социальной эксклюзии, бедности, бездомности как социального явления и объекта социальной политики, была предметом исследования П. Абрахамсона, Л.С. Алексеевой, М.С. Астоянц, Е.С. Балабановой, И.Б. Балдаевой, Ф.М. Бородкина, В. Вилсона, В. Воронкова, Н.В. Гудкова, Р.Н. Гутова, Ф.Н. Завьяловой, С.Г. Кара-Мурзы, И. Карлинского, Ю.Ю. Клемятич, Е.А. Коваленко, О.А. Лиходей, Д. Левинсона, А.А. Молчанова, Н.Р. Москвиной, А.Н. Никифорова, И.И. Осинского, А.В. Пентюхова, Р.О. Рыжова, Л.И. Соловьевой, Е.М. Спириidonовой, С.А. Стивенсон, Л. Уорнера, А.В. Федорец, Э. Фомина, И.М. Хабаевой, А.В. Шлякова, С.С. Ярошенко.

Проблемы миграции разрабатывались такими авторами, как С. Абашин, Л. Бугаева, В.И. Дятлов, Н.И. Лапшина, С.В. Рязанцев, Е. Чикадзе, У. Эко.

Для диссертационного исследования важен был анализ разделяющих практик и проблемы социальной стигматизации (В.В. Волков, З.Р. Соловьева, М. Фуко, О.В. Хархордин), анализ «субкультуры бедности» (Г. Ганс, О. Льюис, У. Миллер), а также общие работы по изучению субкультур С.Н. Иконниковой, С.И. Левиковой, Л.В. Шабанова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Бездомность может быть понята как область особого культурного опыта, переживаемого как опыт одиночества, свободы, творческой возможности, и вместе с тем тревоги и неустроенности, телесной и душевной израненности. Культурным этот опыт является в том смысле, в каком культурно обусловленными выступают причины, мотивы и жизненные цели человека, испытывающего опыт бездомности. Культурным он также является и в той степени, в какой определяет жизненный горизонт живущих в Доме.

2. В каждом историческом типе культуры состоянию обитания в Доме сопутствует опыт расставания с Домом и утраты Дома, а значит не только Дом, но и бездомность может быть понята как антропологическая константа культуры. Образ культуры как целого представляет собой определенный порядок сочетания Дома и бездомности. Специфика культур может быть описана с точки зрения особенностей границы, разделяющей Дом и бездомность.

3. В литературно-мифологической традиции культурный опыт бездомности свойственен маргинальному положению, состоянию между двумя мирами (профанным и сакральным, привычным и неизведанным). Он персонифицирован образами путника, странника, скитальца, бродяги, изгоя, чужака, путешественника, авантюриста. Экзистенциальный срез культурного опыта бездомности связан со страданиями и лишениями, одиночеством, свободой, творчеством, духовным преображением и нравственным возмужанием, «социальным экспериментаторством». Культурный опыт бездомности подразумевает вместе с тем особые формы телесности (израненности, ущербности, искалеченности).

4. В современной культуре опыт бездомности персонифицирован в типах представителей социального дна, «современного номада», мигранта. Культурный опыт бездомности, понимаемый в литературно-художественной и философской традиции как целостный и нераздельный, в современной социокультурной реальности расслаивается, за разными социальными типами закреплены разные грани этого опыта.

5. Возможности свободы и творчества оказываются закрепленными преимущественно за «современными номадами», телесный опыт израненности и искалеченности, экзистенциальный опыт страдания – удел социальных бездомных и мигрантов.

Теоретическую и методологическую основу исследования составил культурно-антропологический подход, направленный на анализ и описание базовых констант человеческого бытия и на понимание культурной обусловленности социальных стратегий и жизненных практик.

Обращение к категории опыта обусловило использование основных положений *феноменологии и экзистенциальной философии*.

Задача анализа отдельных субкультур современного общества в аспекте ценностных установок, норм и правил поведения, образа жизни потребовала обращения к методам *социологии культуры*.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- представлена характеристика бездомности как особого культурного опыта;
- охарактеризованы сферы культурного опыта бездомности в современной культуре;
- показано, что осмысление культуры как целостности требует понимания порядка сочетания культурных опытов Дома и бездомности;
- обосновано понимание бездомности как антропологической константы культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что концепция культурного опыта продуктивно применена к исследованию феномена бездомности в современной культуре. Соотнесены теоретические модели современности и существующей социокультурной практики, а также обоснованы концептуальные возможности культурологии при анализе острых проблем современности, к которым относится проблема бездомности. Продемонстрированный в диссертационном исследовании целостный анализ культурного опыта бездомности в различных сферах социокультурной реальности обогащает научные разработки в области построения теоретических моделей современной культуры. Предложенная в диссертации аналитика антропологической константы культуры может стать основой исследования иных антропологических характеристик современной культуры и других сфер опыта.

Практическая значимость исследования. Материалы проведенного исследования могут быть полезны для прикладных культурологических исследований в области социокультурного проектирования и культурной политики, а также использованы при разработке учебных дисциплин, научных программ, различных спецкурсов: «теория культуры», «история культурологической мысли», «философия культуры», «история культуры», «культурология», «культура повседневности». Материалы и выводы исследования могут быть использованы в концептуальном обеспечении социальной политики.

Апробация исследования. Настоящая диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена. Основные положения диссертации нашли отражение в выступлениях автора на «круглых столах» и конференциях различного уровня, в числе которых: Дни петербургской философии (Санкт-Петербург, 18 ноября 2006 г.); Межрегиональная научно-практическая конференция молодых ученых «Ценностный мир человека в современном обществе» (Саратов, 22 декабря 2006 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы высшего художественно-педагогического образования: содержание и технологии» (Тольятти, 23 апреля 2007 г.); Дни петербургской философии (Санкт-Петербург, 15 ноября 2007 г.); Международная научная конференция «Этнология-антропология-культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (Москва, 4 апреля 2008 г.); Второй Российской культурологический конгресс с

международным участием. «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург, 25-29 ноября 2008 г.); Всероссийская конференция-семинар молодых ученых «Науки о культуре в XXI веке» (Москва, 10-11 декабря 2008 г.); XVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009» (Москва, 14-17 апреля 2009 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании» (Таганрог, 10-12 сентября, 2009 г.); Международная научная конференция «Социология и культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (Москва, 1-3 апреля 2010 г.).

Структура диссертации. Структура диссертации определяется поставленными целями и задачами исследования. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка литературы (314 источников). Общий объем работы – 168 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность заявленной темы, оценивается степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, теоретико-методологическая база исследования, выдвигается рабочая гипотеза, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, освещаются результаты апробации диссертационной работы.

Первая глава «Проблематика культурного опыта в философско-культурологической мысли XX века» посвящена концептуализации феномена опыта, тесно связанного с осмыслиением феномена границы, и на этом основании – прояснению различных ракурсов исследования бездомности.

В первом параграфе «Тематизация культурных маргинаций и понимание опыта» рассматривается корпус идей, значимых для актуализации проблематики границы как «места» обнаружения культурного опыта. Тематизация маргинальности связывается с разработкой категорий Другого, Чужого, Иного.

Категория опыта может быть понята как одна из важнейших тем философии XX века и область, где сходятся философская и культурологическая проблематика. В феноменологии снимается противопоставление ложного и недостоверного опыта (как эмпирии, данной человеку в ощущениях) истине рационального мышления, утверждается неотделимость фактичности опыта от сущности (Э. Гуссерль). В анализе процессов освоения человеком мира категория знания уступает место категории опыта как непосредственного погружения в реальность, как дoreфлексивной данности, на основе которой только и возможно знание. Особое место занимает проблематика телесности как исходного опыта (М.

Мерло-Понти). В экзистенциальной философии, акцентирующй специфичность человеческого бытия как уникальности, значительное место занимает проблематика свободы как опыт выбора (Ж. Сартр), а экзистенция обнаруживает себя в «пограничных ситуациях» (К. Ясперс). Культурным опыт является в том смысле, что всякому человеческому действию «предшествует опыт культуры, спрессованный до телесных и эмоциональных привычек, до подсознания, до габитуса или естественной установки, так и опыт взаимодействия с другими культурами» (Б. Вальденфельс). Опыт может быть понят как деятельность по обнаружению границ, разметка которых культурно обусловлена.

Проблематика границы как «места» обнаружения опыта в различных концепциях описывается при помощи опыта Чужого (Другого). В параграфе проводится различие понятий Другого, Чужого, Иного. В работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, в диалогической философии М. Бубера конституируется понимание Другого как близкого, ближнего, вступающего в диалог с Я, воспринимающего те же культурные нормы и ценности, и неизбежно отвечающего Я. Отношения Я и Другого диалогичны по принципу «Я и Ты». Модели поведения Другого конструируются в одном пространственном и временном континууме.

Опыт Чужого возникает из отсутствия и «иссование в чем-то»: поведении, привычках, мировоззрении. Чужой понимается как неблизкий и неродной, пугающий и несущий опасность, с которым нет общего прошлого. Чужой предстает как инфернальный, амбивалентный, выходящий за пределы, вступающий с Я в случайные отношения (Б. Вальденфельс, Г. Зиммель, Р. Парк).

С образом Иного связаны колективные представления, образы, мифы. Инос представляется как бессознательное, глубинное, таинственное, детерминирующее мышление и поведение Я (Ж. Лакан, Э. Левинас).

В параграфе показываются трансформации понятий Другого, Чужого, Иного, которые происходят в контексте смены философских парадигм *cogito* и *existenz*. Артикуляция Другого в научном дискурсе, перемещение Другого в сферу культуры и обнаружение множественности Других в социокультурной реальности характеризует новую парадигму – *difference* или *affirmo* (Конев В.А., Конева А.В.). На первый план выводится проблематика границ, качественных отличий, позволяющих обнаружить Другое, а вместе с ним и Свое. Одновременно осмыслиается эвристический и креативный потенциал границы.

Разделительные линии границ, устанавливающих пределы между сообществами и группами, маркируют социальное пространство и приписывают субъектам определенные статусы. Отграничиваая старые традиционные структуры, граница становится полем, на котором строятся новые социальные отношения, меняются нормы и ценности.

Философский дискурс пограничности высвечивает сферы социокультурной реальности, прежде ускользавшие от внимания. В центр внимания попадают явления нетипичные по отношению к типичным или

признаваемым таковыми в научной традиции, явления мелкие и незаметные по отношению к значительным.

Проблема маргинальности разрабатывалась в различных направлениях философии и философии культуры. Феномен маргинальности может быть представлен как проблематика границы между Своим и Чужим (Иным, Другим), а также как то, что находится за гранью привычного, допустимого, освоенного. Маргинальным может быть названо все то, что находится за пределами структуры (структуры знания, социальной структуры и т.п.), точнее то, что не учитывается признанными формами структурирования реальности, но, тем не менее, реально. Исследование культурных маргинаций сфокусировано в категориях Другого, Чужого, Иного, с помощью которых обнаруживаются области особого культурного опыта.

Второй параграф «Идея Дома и антропология бездомности» посвящен соотношению образов Дома и бездомности в литературно-мифологической традиции, тем самым описывается исторический опыт бездомности, доступный современному человеку.

Дом является одним из ключевых культурных символов, универсальной точкой отсчета, придающей миру смысл. Дом выступает прообразом структурирования пространства, его смысловым ядром, вокруг которого группируются другие мифологемы и образы. Особым магическим статусом наделены границы Дома – порог, дверь, окно. Люди, пересекающие порог Дома – гости, странники, воры, чужеземцы, – являются медиаторами, посредниками между Своим и Чужим мирами.

Путь из Дома в Мир в мифопоэтической традиции – это встреча с таинственным, сакральным. Любое путешествие завершается преображением, обретением нового социального статуса, что включает Дорогу в топографию обрядов инициации. Дорога выполняет связующую функцию между освоенным/неосвоенным пространством, Своим/Чужим, хаосом/космосом.

В параграфе охарактеризована оппозиция Дома/Мира, Своего/Чужого, которая может считаться основой художественного конфликта в новоевропейской литературной традиции, а также хронотоп Дороги, составляющий существенную часть художественного мира европейского и русского искусства. Показано, что чувство Дома в литературной традиции Нового времени есть проекция чувства Родины.

Путь – всегда труд, он предполагает череду препятствий и их преодолений. Путь погружает человека в атмосферу Чужого, неизвестного, где перестают действовать привычные нормы, а новые правила еще неизвестны. Пребывание в Пути влечет за собой «выпадение» из социальной структуры, а возвращение из него подразумевает изменение статуса, обретение нового социального качества.

Проблематика совершения Пути как духовного преображения воплощена в образах паломничества, странничества, скитальчества, бродяжничества. Движение в географическом пространстве становилось «перемещением» по вертикальной шкале религиозно-нравственных

ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя в аду»¹. Вариантом паломничества выступает странничество, но если паломник совершают акт путешествия, имея конечную цель – восполнение Благодати, то странник находится в постоянном поиске, тревоге, пребывает в Пути, который является в одно и то же время его судьбой и бременем. Образ скитальца, выбравшего в качестве жизненной траектории блуждание, уход по ложному Пути, выстраивается на основе архетипа «блудного сына». Путь скитальчества с точки зрения религиозного мировоззрения завершается преображением в форме раскаяния и искупления грехов.

В литературной традиции Нового времени путешествие за благодатью превратилось в просвещенное путешествие, при этом сам Путь по-прежнему нес в себе черты приобщения и преображения.

Культурный опыт бездомности связан с опытом индивидуального, с опытом одиночества, что находит свое выражение в социальном (и литературном) типе авантюриста, являющемся проекцией новосевропейского индивидуализма. Авантюристы находятся в особых отношениях с Фортуной, она покровительствует им: «Пространство удачи может возникнуть случайно, но авантюристы немедленно ощущают его и мчатся туда стремглав» (А.Ф. Строев). Встреча со случайностями или случайные встречи – это особое свойство Дороги, проследживающееся и в фольклорно-мифологическом материале, и в жанровой структуре авантюрного, рыцарского, плутовского романа.

Странникам, путникам, изгоям присуще антиповедение, которое может составлять род социальной деятельности, примером чему служит русское юродство. «Место» их обитания с точки зрения социума представляет собой АнтиДом – паперть для юродивого, лес и овраг для разбойников, дом кузнеца на окраине и т.п. Род их занятий представляет собой «антиработу», примером чему может служить разбойный промысел (Ю.М. Лотман). Такие персонажи, благодаря своим отношениям с потусторонним, Иным, божественным или инфернальным, наделены творческим началом, являются источниками новаторства, выступают одновременно полезными и опасными.

В параграфе проведен анализ образов паломника, странника, скитальца, изгоя, купца, юродивого, школьера, ваганта, кузнеца, первооткрывателя, разбойника, авантюриста, который свидетельствует о том, что им присущи черты новаторства, одиночества, «социального экспериментаторства», нестандартного поведения и отношения в обществе. Проанализированные образы объединяют особые формы телесности (израненности, ущербности, искалеченности).

Бездомность может быть понята как свойство определенного типа героя (в самом общем смысле – изгоя), исключенного из общества, или занимающего маргинальное положение (на границе миров). Для связанных с изгойничеством представлений об индивидуальном творчестве (как взаимоотношении с потусторонним миром), об опыте одиночества и свободы

¹ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Семисфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 299.

бездомность является существенной характеристикой. Такие герои представляют собой неотъемлемую часть социального мира.

Бездомность, представленную в различных исторических типах культуры, в мифологемах, образах, социальных типах, можно считать одним из ключевых образов литературно-мифологической традиции, не менее значимым, чем образ Дома. В культурном пространстве состоянию обитания в Доме сопутствует опыт ухода, небрежения, расставания с Домом. Целостный культурный ландшафт представляет собой определенный порядок сочетания домашности и бездомности.

Вторая глава «Культурный опыт бездомности в современном мире» посвящена анализу современной социокультурной реальности, в которой феномен бездомности в наиболее очевидной форме представлен в образе жизни социально исключенных, мигрантов и «современныхnomадов».

В параграфе «Феномен социальной исключенности и субкультура бездомности» кратко охарактеризованы принципы изучения стратификации современного общества на основе социально-экономических (размер доходов, степень участия в различных социальных институтах, наличие определенных привилегий или их отсутствие), подходы к определению социальной исключенности и основания для выделения «низшего» класса (*underclass*), наиболее уязвимой частью которого являются бездомные. С точки зрения проблематики диссертационного исследования особенно важна концепция «культуры бедности», предложенная американскими социологами в 1960-70-е гг. (О. Льюис, Г. Ганс, У. Миллер). Точнее назвать ее субкультурой бедности, поскольку она является частью культурного целого. Согласно этой концепции, в стратифицированном индивидуализированном обществе образ жизни бедных имеет общие черты, модели поведения, установки, которые воспроизводятся от поколения к поколению. Эти черты представляют собой не адаптацию к объективным условиям, а устойчивый образ жизни, что и позволяет говорить о субкультуре.

Явления конца XX века – начала XXI века – глобализация экономики и появление *knowledge-worker* постиндустриального типа – исключают все более широкие круги населения из той сферы деятельности, которая признается экономически выгодной и социально полезной. Многократно увеличивается армия «лишних людей» с экономической и социальной точек зрения, усиливается поляризация бедности и богатства. Исключенные из постиндустриального общества фактически оказываются неизбежным побочным продуктом экономического развития, «человеческими отходами» – *wasted life* (З. Бауман). Вместе с тем постиндустриальное общество нуждается в бедности как в «олицетворенном аде», заставляющем средний класс принимать неопределенность и рискованность своего положения как угрозу оказаться одним из бедных, «один вид которых держит обеспеченных людей в состоянии страха и покорности»². Субкультура бедности в

² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 147.

постиндустриальном обществе обнаруживает новые источники пополнения, а это значит, что она занимает прочное место в современном мире. Основным отличием underclass постиндустриальной эпохи является его открытость для всех социальных страт, что на теоретическом уровне означает и потенциальную открытость слоя социально исключенных (бездомных).

В современной России проблема бездомности становится все более острой: за последние два десятилетия число бездомных увеличилось в 2 раза, с 1,5% до 3% от общего населения и насчитывает по приблизительным подсчетам около 4,5 млн. человек. Все чаще бездомными становятся молодые люди трудоспособного возраста. Социальные работники признают, что стаж бездомности в 3-5 лет является рубежным для состояния деградации, после чего процесс ресоциализации практически невозможен. Масштабы бездомности, устойчивость причин ее порождения, уже сложившиеся формы воспроизведения и самоорганизации позволяют говорить о специфической субкультуре бездомных.

Важным компонентом культурной топографии современного крупного города является сеть государственных учреждений и благотворительных организаций, занимающихся помощью бездомным. Однако то обстоятельство, что бедность и бездомность признаны структурными компонентами, то есть, неустранимыми и даже неизбежными компонентами современного общества, а также состоявшееся в философско-культурологической мысли признание маргинальности как особой формы культурного опыта, лишает борьбу с ними теоретических оснований. Меры заботы о бездомных силами органов социальной защиты и благотворительности становятся не способом борьбы, а институциональным механизмом поддержания баланса приличий.

В современном городе бездомные превратились в привычный «элемент» урбанизированного ландшафта, неотъемлемую часть исторических центров городов и привокзальных площадей. Об этом не принято говорить в культурологии города, но сегодня бездомные составляют повседневный «фон» городской жизни. Особенности поведения, нормы, привычки, структура этой общности зачастую воспринимаются со стороны как антиповедение, антиструктура – аналогично тому, как Ю.М. Лотман характеризовал образ изгоя. Бездомные в современном индустриальном городе ведут образ жизни охотников и собирателей, в чем-то сходный с жизнью донеолитических обществ. Они оказываются выброшенными по ту сторону цивилизационной границы, не совпадающей с традиционно определяемыми в теории культуры макротерриториальными и макроисторическими границами цивилизаций. Граница может быть обнаружена в любом «месте» и визуализирована присутствием бездомного. Город становится для бездомных «кормящим ландшафтом», в котором они находят необходимые ресурсы для выживания; средой обитания, аналогичной той природной среде, в которой жили первобытные люди.

Бездомным свойственны особые формы телесности, это тело «образовано особыми складками, рубцами, следами, надрезами и разрывами,

накосимыми жизнью на человеческое тело и, прежде всего, на его кожу» (Б.В. Марков). Образ жизни современных бездомных складывается в образ «перевернутого мира», который обладает некоторыми важными отличиями от «перевернутого мира» изгоея в традиционной культуре. В мире, который лежит между раем и адом, бродяжничество и скитальчество являются приемлемой, оправданной, а иногда и возвышенной формой существования. Забота о скитальцах, призренис нищих являются в традиционной культуре не мерами борьбы, а способом контакта с теми сущностями, от имени которых присутствуют в мире скитальцы, бродяги.

В современном мире бездомность лишена мифологического оправдания, через нее не открывается доступ к Иному (в лучшем случае – к Чужому), с ней более не связаны ни творческое, ни пассионарное начала. Опыт бездомных уже не служит поводом для стремления к упорядочиванию мира, а является устрашающим и угнетающим примером. Если в традиционной культуре бродяжничество и скитальчество наделялись духовным богатством или нравственным просообщением, удел современных бездомных – духовное опустошение и нравственная деградация.

Во втором параграфе «”Современныйnomадизм” как культурная практика» охарактеризован стиль жизни человека, предлагаемый различными версиями описания постиндустриального информационного общества. Для современного человека опыт бездомности становится компонентом «свободы быть, действовать, передвигаться, знать и принимать новое»³.

Анализ феноменов кочевничества и оседлости в контексте взаимосвязи Дома и бездомности открывает широкое поле для изучения природы современной культуры, для которой характерны, с одной стороны, подвижность социальных границ и мобильность субъектов, а с другой – новые виды социальной дистанции. Идея сравнения бездомности и домашности давно используется в построении цивилизационных моделей, где кочевничеству противопоставляется оседлый образ жизни, а переход от кочевничества к оседлости и наоборот, характеризует цивилизационную динамику. Однако эти цивилизационные типы не исключают, а дополняют друг друга, находятся в неразрывной связи. Представление о том, что nomадизму соответствует варварство или дикость, а укорененности на одном месте – цивилизационный прогресс давно переосмыслено. Метафора nomадизма была присвоена жизненной стратегии, воплощающей современность (Ж. Аттали, Ф. Гваттари, Ж. Делез).

Современная «Великая степь» несопоставима с реальными территориями прежних кочевников, она объединяет континенты, приобретает метафизический характер, захватывая географическое, ментальное и виртуальное пространства. Ареал «нового кочевья» – образ жизни, манеры поведения, ситуации, складывающиеся именно в условиях современного мегаполиса. «Современный nomad» не ощущает своей

³ Конева А.В. Век XXI: глобальный мир и культура различия // Культурологические исследования '08 СПб: Астерион, 2008. С. 95.

принадлежности ни к одной конкретной традиции или культуре, являясь космополитом по мышлению и поведению. Культуру новых кочевников можно выразить с помощью «номадической идентичности» как возможности множественного выбора «мест» существования.

Важнейший признак «современного номадизма» – это жизнь в Пути, вне определенного места: в автомобиле, самолете, поезде, в сети Интернет, у телефона и т.д. Культурный опыт «современного номада» раскрывается как потенциальная свобода от любых отношений, разрыв прежних родственных и дружеских связей. Бездомность «современного номада» обнаруживается в форме ухода от прежних форм укорененности в семье, социальной и политической общности.

«Современных номадов» отличает особый телесный опыт – культ здоровья, продления жизни и активной физической формы (Ж. Аттали). Такого человека сопровождают «кочевые предметы» – мобильные, портативные, погоня за обладанием которыми трансформирует жизненные цепи и культурные планы человека. Номадизм становится ключевым термином для обозначения культуры потребления.

«Кочевые предметы» изменяют взаимоотношения людей во всем спектре жизни и, прежде всего, трансформируют отношение человека к самому себе. Доступ к «кочевым предметам», знакомым человечеству со временем жестокой борьбы за выживание (кремень, камень, амулеты и проч.) служил мерилом могущества владельца. Новые «кочевые предметы» также обеспечивают могущество, силу, а, кроме того, свободу и мобильность.

Образ жизни «современных номадов» заметен в молодежных субкультурах, для которых пребывание в Пути, дорожное времяпрепровождение становится смыслообразующей деятельностью, определяющей образ жизни, самосознание и мироощущение. Цель движения не всегда присутствует и имеет значение, важно «беспрепятственное преодоление бесконечных пространств, само состояние путника как метафора и способ переживания бесконечной свободы»⁴. Активно пропагандируемый средствами массовой культуры имидж «молодежности» включает такие характеристики, как активность, мобильность, склонность к риску, оптимизм (С.А. Тихомиров).

Специфические формы кочевничества связаны с освоением виртуальной реальности, которая расширяет эмоциональный, эстетический, телесный опыт, дает возможность путешествовать в пространстве и во времени, и одновременно способна подменять собой настоящую реальность. Уход в виртуальное пространство дает человеку свободу, анонимность, множественные возможности идентификации и одновременно индифферентность к близкому окружению. Утрачивая укорененность в Доме, человек интуитивно транспонирует устойчивые нарративные схемы и архетипические черты Дома, привычного и безопасного пространства, на

⁴ Щепанская Т.Б. Молодёжные сообщества // Современный городской фольклор. / Ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С.34.

объекты виртуальной реальности, активно используется домашняя риторика для обозначения границ приватного и публичного пространств в виртуальном мире.

«Современный номадизм», которому присущи многие составляющие опыта, свойственного образу изгоя (чужака, скитальца), и в том числе опыт бездомности, является сегодня эталонной жизненной практикой, желанной и притягательной.

В третьем параграфе «Образ современного мигранта» анализируется специфика культурного опыта бездомности, открывающегося в образе жизни трудовых мигрантов.

Мигрант – это социальный тип, в котором исследователи первой половины XX века видели классический пример «пограничности» существования – «на границе конфликта культур» (Г. Зиммель). Обреченный играть роль Чужого, он вынужден занимать отстраненную позицию и по отношению к обществу, в которое он пришел, и по отношению к обществу, которое покинул. «Он неизбежно становится индивидом с более широким кругозором, более тонким интеллектом, более отстраненной и рациональной точкой зрения. Маргинальный человек — это всегда человек сравнительно более цивилизованный»⁵. Он видится более пластичным, свободным и подвижным, нежели человек, не выходящий за пределы своего обжитого мира, что представлялось потенциалом творческого обновления культуры.

В современном мире образ мигранта скорее связывается с угрозой, чем с позитивным обновлением. Характерно то, что в современном публичном дискурсе в словах «мигрант» и «миграция» стерто различие между понятиями, закреплявшими начало и конец Пути – «эммиграция» и «иммиграция». Миграция становится процессом тотальным. «Как отличить иммиграцию от миграции, если вся планета стала пространством сплошных перемещений? ... Миграция сродни явлению природы» (У. Эко). Смысловые различия закрепились за понятиями мобильности и миграции. За мобильностью видится некая респектабельность, привилегированный стиль жизни, право выбора, свобода перемещения в социальном и физическом пространстве (например, «академическая мобильность»). Миграция же скорее связывается с совокупностью неудач и жизненных крушений. Дискурс толерантности и политкорректности закрепляет мигранта в статусе жертвы.

В современных социологических исследованиях обращается внимание на формирование особых поведенческих стратегий мигрантов в большом городе: пассивной и краткосрочной, активной и долгосрочной, в зависимости от которой человек ощущает себя вписаным в новое общество, считая его Своим, или же стремится быть незаметным, не смотреть в глаза, что связано и с нежелательностью встречи с сотрудниками полиции, и с плохим знанием языка. Разумеется, такие особенности не стоит абсолютизировать, но и не замечать их невозможно. Масштабы миграции вызвали к жизни новые

⁵ Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1923. Vol. 33, №6. P. 881.

формы коллективности – от современных общежитий до групповых и диаспоральных форм взаимодействия. Интенсификация миграции и слабая управляемость этим процессом ведут к различным формам самоорганизации – к созданию неформальных сетей взаимодействия, к мобилизации этничности и религиозности.

Строго говоря, мигранты не являются бездомными (в смысле социальной эксклюзии), но расставание с Домом является важной частью их жизненного опыта. Жизнь мигранта описывается как множественность Домов, как «Дом на попутки», «временный Дом». Возвращаясь на Родину, мигрант рискует оказаться Чужим, так и не став Своим в стране, где работал. Среди описанных социальных страт, которым знаком опыт бездомности, жизнь мигранта в наибольшей степени связана с трудом, часто изнурительным.

Целостный опыт бездомности в современном мире расслаивается, позитивные, созидательные составляющие этого опыта оказываются закреплены за одними сообществами («современными номадами»), а негативные и деструктивные – за другими (социально исключенные, мигранты). За мигрантом признается креативный потенциал, однако эта креативность понимается как угроза и риск современной цивилизации.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, излагаются перспективы дальнейшего исследования феномена бездомности в социокультурном контексте. Отмечается, что бездомность является динамичным феноменом, имеет различные формы воплощения. Подчеркивается значение опыта бездомности в реальном, духовном и виртуальном пространстве современной культуры.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ:

1. Матлахова М.С. Обретение дома: проблема преодоления рисков в современной культуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. Научный рецензируемый журнал. №8 (63). Белгород, Издательство БелГУ, 2009. Вып. 8. С. 149-158. (0,8 п.л.)
2. Матлахова М.С. Концептуализация маргинальности в философско-культурологической мысли как форма социального признания маргинальных практик // Общество. Среда. Развитие: Научно-теоретический журнал. СПб.: Астерион, 2010. № 4 (17). С. 87-91. (0,5 п.л.)

Статьи и доклады, опубликованные в других научных сборниках и журналах:

1. Матлахова М.С. Возвращаемся Домой? // Ценностный мир человека в современном обществе: Сборник статей молодых ученых / Под ред. С.М. Малкиной. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. С. 64-68. (0,3 п.л.)

2. Матлахова М.С. Возвращающийся Одиссей // Мир в новое время. Сборник материалов Девятой всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI-XXI вв. / Под ред. Н.А. Власова. СПб: «Гелион Плюс», 2007. С. 234-237. (0,2 п.л.)
3. Матлахова М.С., Зарова О.Д. Обретение дома: ценностные основания и преодоление рисков // Молодые ученые Саратовской области: Материалы конференции научных работ студентов Высших учебных заведений Саратовской области - участников обл. конкурса «Студенческая наука 2007». Саратов: Изд-во «Научная книга». С. 15-16. (0,18/0,09 п.л.)
4. Матлахова М.С. Человек в городе: феномен бездомности и пространство риска // Науки о культуре – шаг в ХХI век: сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых. М: РИК, 2008. С. 32-36. (0,25 п.л.)
5. Матлахова М.С. Домашняя виртуальность: трансформации приватного и публичного в современной культуре // Культурогенез и культурное наследие (Культурологические исследования'09): Сб. науч. трудов. СПб.: Астерион, 2009. С. 161-165. (0,28 п.л.)
6. Матлахова М.С. Разрыв социальных связей: новая бездомность // Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: VI Международная научно-практическая конференция. Инновационные образовательные технологии в практике вузовского образования. Традиции и инновации в развитии социальных систем. Таганрог: Изд-во НОУ ВПО ТИУиЭ, 2009. С. 180-184. (0,2 п.л.)
7. Матлахова М.С. Проблематика социокультурной исключенности в контексте теоретических моделей современности // Гуманитарное знание: сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Г. Егоркина. Вып. 12. СПб.: Астерион, 2009. С. 52-55. (0,25 п.л.)
8. Матлахова М.С., Никифорова Л.В. Бедность // Гуманитарный лексикон: Учебное пособие / Под ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2009. С. 30-41. (0,6/0,3 п. л.)
9. Матлахова М.С., Никифорова Л.В. Благотворительность // Гуманитарный лексикон: Учебное пособие / Под ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2009. С. 42-55. (0,7/0,35 п.л.)
10. Матлахова М.С. Домesticация виртуального пространства или жизнь в Интернете // Собрание научно-образовательного культурологического общества: Материалы Третьего собрания Научно-образовательного культурологического общества, научно-практического семинара «Современная молодежь в зеркале культурологических исследований», круглого стола «Культурная миссия университета и культура университетской повседневности», Первой Герценовской школы практической культурологии 22 - 23 апреля 2009 года. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 284-290. (0,26 п.л.)
11. Матлахова М.С. От идеи Другого к открытию «культурных маргинаций»: историография как поиск методологии // Историография и источниковедение в культурологическом исследовании (Культурологические исследования'10): Сборник научных трудов / Под науч. ред. Л.В. Никифоровой и А.В. Коневой. СПб.: Астерион, 2010. С. 24-30. (0,25 п.л.).

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 281. Подписано в печать 20.09.2011 г. Бумага офсетная
Формат 60x84¹/16. Объем 1,25 п.л. Тираж 200 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70
asterion@asterion.ru